

ВООБРАЖЕНИЕ И ЕГО ПЛОДЫ

Е.В. Глинчикова

КЕНОТИЧЕСКИЙ РАЗЛОМ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Аннотация. Предметом исследования является разлом в человеческом существовании между субъектом и субъективностью. Объектом исследования являются работы немецкого философа Ф. Ницше, который одним из первых стал говорить о фиктивности субъекта. Автор особенно выделяет проблему «смерти Бога» и «смерти человека» как последствий или доказательств разлома. Также, говоря о сущности такого явления, автор называет его кенотическим, поскольку рассматривает движения субъективности, как движения к опустошению, движения освобождения от власти субъекта.

В качестве метода автор использует интроспекцию и анализ. Автор пытается понять мысли Ницше не в качестве логической реальности, а как интуитивно-освоенное знание, понимание которого строится также на интуитивно-рожденных образах.

Новизна исследования заключается в том, что автор пытается анализировать разрыв внутри человеческой самости с точки зрения самой самости и её движений. Впервые идею о разрыве между субъектом и субъективностью высказал Ф.И. Гиренок. Но подробного анализа причин и следствий этого разрыва произведено не было. Автор впервые включает в эту проблему вопрос о «смерти человека» и «смерти Бога».

Ключевые слова: субъективность, кенозис, субъект, разрыв, существование, Ницше, поверхность, смерть, сознание, кто.

Review: The subject of research is the rift (or gap) in human existence between subject and subjectivity. The object of research involves works of Friedrich Nietzsche, German philosopher, who was one of the first to speak of the fictitious subject. The author especially emphasizes the problem of « the death of God» and «the death of man» as the effects or the evidence of the rift. Also, speaking of the essence of this phenomenon, the author calls it kenotic rift. He studies the movement of subjectivity as a movement to the devastation or the movement of liberation from the power of the subject. The author uses the method of introspection and analysis. The author tries to understand the thoughts of Nietzsche not as logical reality but as intuitive knowledge, the understanding of which is based on the intuitive images. The novelty of the research is caused by the fact that the author attempts to analyze the gap in the human existence in terms of the subjectivity and its movements. The idea of a gap between the subject and subjectivity was expressed by professor Girenok. But a detailed analysis of the causes and consequences of this gap has not been made. The author tries to involve the problem of the «death of man» and «the death of God» into the research also.

Keywords: depth, surface, Nietzsche, existence, rift, subject, kenosis, subjectivity, consciousness, who.

Когда Фуко говорит, что человек умер, о ком, в конце концов, идет речь? О сознательном человеке, бытие которого мыслит? Мыслит и не волнуется, мыслит и не впадает в депрессию, мыслит и не истерит по пустякам, не сходит с ума от монотонной работы, от любви и от вопросов о смысле жизни... Человек сознательный разве уже не труп? К чему же тогда такие торжественные похороны? Ах да, наверно для долгих и печальных разговоров о покойном. Вот он лежит. Его холодное бледное лицо скрывают розы, он красив и печален и запах от его разложения подавлен формальдегидом, заменившим

остановившуюся кровь. Мы будем долго сидеть у могилы и ждать ощущения смерти, его смерти, как нашей последней веры и очевидности...

* * *

Все, что оказывается присущим сознанию, раздваивается. Вещь в сознании, с одной стороны, становится законченной, имеющей своё чёткое место в целостной системе причин и следствий, управляемой, маленькой и безопасной. С другой стороны, вещь теряет свою непосредственность, свою свободу. Она обретает поверхность, которая замещает её саму, поверхность, которая редуцирует её до её

сознательного значения, до того смысла, который был внедрён в неё сознанием. Но при этом всплывает вопрос о существовании, об очевидности, о действительности вещи. Почему? Потому что сознание не уверено в своём собственном существовании, в неприспособительном смысле своей деятельности. Его существование насквозь заимствовано и держится за бытие иллюзорным конструктом – крючком субъекта.

Субъект видит себя генератором порядка вещей, но может быть не он, а сами вещи устанавливают порядок функционирования сознания, используя его для своего перемещения и развития? Сознание инструментально, оно оперирует вещами. Оно не в силах познать себя без вещи, не в силах обойтись без вещей. Конструкции пространства и времени могут что-то делать с вещами, но что они будут делать без вещей? Именно это более всего и пугает сознание. Пугает собственная недостаточность, зыбкость и нереальность. Вещи кажутся статичными, прочными. На них можно опереться. Они как само бытие, придают сознанию устойчивость.

История философии двигалась путем понимания человека, как его сознания, как историю понимания двусмысленности мира, его бесконечной зеркальности. Но само сознание, направленное на мир или на само себя, видит в себе лишь использование, механизм, меняющий положение вещей. Самый большой вопрос философии заключался в том – КТО использует. Может именно этот КТО и мог оправдать само использование? Может значимость этого КТО столь велика, что ему позволено все? Или хотя бы что-то....Так рождались структуры Бога и субъекта...

Ещё недавно Делёз хвалил Ницше за его вопрос о субъекте. «Вопрос «Кто?», согласно Ницше, означает здесь следующее: вещь, рассматриваемую с точки зрения того, каковы овладевающие ею силы, какова обладающая ею воля. Кто выражается, проявляется и даже скрывается в ней? Лишь поставив вопрос «кто?», мы можем достичь сущности. Ибо сущность есть только смысл и ценность вещи; сущность обусловлена силами, родственными вещи, и волей, родственной этим силам» [1, с. 47].

Но ведь сам Ницше давно понял, что никакого «кто» не существует. В «Воле к власти» он честно признался: «Нет никакой воли, есть только пунктуации воли, которые постоянно увеличивают или теряют свою власть» [2, с. 430].

Делёз этим своим вопросом о КТО словно констатирует, что вещи скрывают в себе властителя, они

замазаны клеем субъективности. Они уже не прочны, поскольку имеют в себе сознание. Сознание разрушает вещи, делает их пригодными или непригодными, оно сообщает им смысл и сущность. Оно делает их присутствующими сущности, сущности волящего.

Мы хотим видеть вещи смиренными. Поэтому они существуют лишь в той мере, в которой сознание знает о своей ограниченности. Они существуют только в области невозможного, как вещь в себе. Только в этой сакральной части бытие обладает вещами, дышит ими, вдыхает и выдыхает их своим порывистым дыханием. Невозможное – это место, где сознание не готово потерять себя, где оно из последних сил держится за свои границы-основания. А потому оно требует мира в качестве своей движущей силы. Если есть граница, то замещение творческих сил сознания на силы реактивный вполне оправдано. Чтобы действовать – теперь нужен мир с его причинно-следственными связями.

Сознание готово идти на иллюзию, на создание некоей инстанции, к которой будет отсылать себя действующая сила, инстанции, которая эту силу будет использовать, точнее возрастая в силе с её помощью. Господствующая сила – разве не есть уже субъект? Власть разве возможна без властителя? Субъект приписывает себе силу. Сама же сила не может созерцать границы, она безгранична в своей основе.

Власть основана на удержании, на захвате. Властвует тот, кто поставил точку в вечно-бегущем процессе жизни, в мире ускользающем ежесекундно. Точка, пунктир – есть то, что выделяет нечто и делает значимым и ценным, придает смысл и одновременно умертвляет, облекает всевозможную вещь в её конкретное одеяние, создает для неё начало и конец.

Смысл – это повтор, одинаковость. Сознание различает вещи только для того, чтобы делать их одинаковыми.

Пунктир означает, что субъективность что-то скрыла в этой вещи, что-то запрятала в ней, к чему хочется вернуться, что будет требовать вечно возвращения. Остановки скрывают вневременность субъективности, её глубокую тишину и статичность, её нежелание двигаться вместе с вечно-бегущим миром. Может субъективность подарила миру не время, а вечность?

Субъект же, наоборот, есть тот, кто движется, действует, кто связывает движение вещей со своим собственным появлением. Субъект – это то, что стало знаком присутствия субъективности, знаком в условиях её отсутствия.

Что делать если наше я, субъект в нас, так прижился, так сросся с нашей субъективностью, уместился в её теплом лоне, что без него жизнь проваливается, скатывается в бездонную пропасть, в миф о зарождении хаоса?

Вися на крючке субъекта, так и хочется поманить к себе монстров из темной бездны...

1. Субъект и тело

Ницше пишет: «Тело, вещь, выстраиваемое глазом «целое» побуждает к различению действия и действующего; действующий, причина действия, понимаемая все тоньше и тоньше, даёт в конце концов «субъект»» [2, с. 314].

«Тело – это большой разум, множество с одним сознанием, война и мир, стадо и пастырь... Я говоришь ты и гордишься этим словом. Но больше его – во что не хочешь ты верить – тело твое с его большим разумом: оно не говорит Я, но делает Я... Что чувствует чувство и познает ум – никогда не имеет в себе своей цели... Орудием и игрушкой являются чувство и ум: за ними лежит ещё Само... созидать дальше себя. Этого хочет оно больше всего, в этом вся страстность его» [3, с. 319].

Тело хочет быть больше своей ограниченности. Для этого творит оно Я, чтобы делать его знаком на всякой вещи, чтобы все отсылало к нему, к его силе. Но знак означает отсутствие, бессилие, только грозящее обернуться последствиями... когда-нибудь... потом... в случае нахождения адекватной социально-одобренной причины.

Проблема в том, что знак самости никак не может быть достоверным её представителем. Знак всегда статичен и может действовать только как сигнал, предполагающий определенную реакцию. Так, он сам обрекает себя на несамостоятельность.

2. Субъект-поверхность

Субъект занимается тем, что указывает вещам их место на собственной поверхности. На этой поверхности легко ими манипулировать, связывать, поработать. Теперь их сущностью становится выделенность пространства, которой они только и могут существовать. Так, именно место делало вещь сакральной у примитивных племен. Место уже предполагает некоторую расположенность, то есть взаимосвязь с окружающим. Эта связь наглядна и ясна. На её основе возникло социальное деление и причинно-следственные механизмы в культуре.

Человек начинает обожествлять дороги и тропинки, ведущие к сакральному месту, эти тропинки впоследствии он назовет закономерностями. Бывает так, что мысль, внезапно возникнув как мимолетный образ, вдруг исчезает. Сознанию необходимо так ухватить эту мысль, чтобы к ней можно было вернуться снова. Для этого оно выстраивает логические комбинации, устанавливает связи с наглядностью, чтобы привязать ускользающее к осязательному. Сознание действует как веревочки, как инструменты, удерживающие то, что будет названо впоследствии ценностью.

Внутри, на глубине остается субъективность.

Субъективность – это то самое бытие, в которое многожды погружаются вещи, бесконечно рождаясь заново. «Тысячекратно происхождение всех хороших вещей: все хорошие веселые вещи прыгают от радости в бытие – как могли бы они это сделать – только один раз!» [3, с. 431]. Один раз вещи рождаются для субъекта.

3. Субъект как условность существования

Субъект нужен для того, чтобы различные впечатления духа могли быть встроены в условность существования.

Ницше пишет: «Все «желательности» были в отношении к человеку нелепым и опасным увлечением, с помощью которого отдельный вид человека хотел бы предписать человеку в качестве закона условия своего сохранения и роста ... всякая достигшая господства «желательность» такого рода приносила до сих пор ценность человека, его силу, его уверенность в будущем» [2, с. 206].

Желательность есть тоже производство поверхности. Поверхность сама создаёт зоны желательного и нежелательного. Эти зоны не связаны с индивидуальностью субъекта, они существуют для всех, а потому необходимы условия, в которых они могли бы принадлежать немногим. Субъект вынужден ассоциировать себя с занимаемым местом, он также встраивается в систему выделенных значений, точнее он сам выстраивает её для того, чтобы тот знак субъективности, который он в себе несет, мог удерживать зоны желательного, чем создает иллюзию собственной власти.

Желательность существует только как ограниченность воли вещами. Желательно только выделенное бытие, только то, что будет наибольшим образом отсылать к могуществу субъекта, то есть будет становиться его знаком и признаком. Усло-

вием сохранения субъективности оказываются действия субъекта. Для того, чтобы они остались законом, нужно убедить человека в желательности одного и нежелательности другого.

Прописать для себя удовлетворение желательного можно с помощью закона и насилия. Боль рождает память и понимание. Условия сохранения каждой желательности были прописаны в законах. Они были тем самым сакральным знанием, единственным путем рождения истины.

«Познавать же значит всегда «ставить себя к чему-нибудь в определенные условия»: познающий безусловно хочет, чтобы то, что он стремится познать, не имело к нему никакого отношения, да и вообще не имело бы отношения ни к кому... Познавать – значит «ставить в некоторые условия к чему-нибудь»; чувствовать себя чем-нибудь обусловленным и, со своей стороны, обуславливать это что-нибудь: следовательно, это при всех обстоятельствах есть установление условий, их обозначение, их осознание (не исследование сущностей, вещей каких-либо «в себе»)» [2, с. 324].

Субъект всегда связан с познанием. Он его неотделимая часть. Познавать, значит соотносить с причинами и следствиями, видеть будущее и прошлое, создавать причины, средства и цели.

4. Реактивность субъекта

Ницше пишет: «В то время как всякая преимущественная мораль произрастает из торжествующего самоутверждения, мораль рабов с самого начала говорит Нет «внешнему», «иному», «несобственному»: это Нет и оказывается её творческим деянием... мораль рабов всегда нуждается для своего возникновения прежде всего в противостоящем и внешнем мире, говоря физиологическим языком, во внешних раздражениях, чтобы вообще действовать, – её акция в корне является реакцией. Обратное явление имеет место при аристократическом способе оценки: последний действует и произрастает спонтанно, он ищет своей противоположности лишь для того, чтобы с большей благодарностью, с большим ликованием утверждать самое себя» [4].

Субъект рождается из самоограничения субъективности, из невозможности творчески изливаться в мир, порождать и простирается. Когда порождение вынуждено быть обусловленным, оно начинает соотноситься с деятелем как субъектом, то есть призывает его действовать для того, чтобы жить.

Реактивный человек видит ценность в небытии, в опустошении. И небытие и есть его безволие и бессилие, то есть ценность реактивного человека в том, чтобы оправдывать своё существование волей к несуществованию. Он утверждает себя тем, что требует от существования не быть. Но этим самым он совершенно замыкается от своей субъективности и теряет силы к жизни.

Делёз акцентирует внимание на субъектной стороне человека, сущность которой реактивна: «Сущность человека состоит в реактивном становлении сил. Более того, он придает миру сущность – упомянутое становление как всеобщее становление. Сущность человека и мира, занимаемого человеком, есть реактивное становление всевозможных сил, нигилизм и ничего, кроме нигилизма. Человек и его родовая деятельность – вот уже две кожных болезни земли» [1, с. 166].

5. Субъект и очевидность

У Ницше читаем: «Субъект – это терминология нашей веры в единство всех различных моментов высшего чувства реальности: мы понимаем эту веру как действие одной причины, мы так глубоко верим в нашу веру, что ради неё и изобретаем собственно «истину», «действительность», «субстанциональность»» [2, с. 281].

Наша истина, наша очевидность, кроется в нашем желании все подчинить одной причине. Но получается так, что ощущение себя реальным возможно только в состоянии противодействия самому себе мира. То есть мир реален только до такой степени, до которой он не подчиняется субъекту. Сама граница служит субъекту реальностью. Реальность собственно и есть подлинный творческий акт субъективности.

««Истинно» со стороны чувства – то, что сильнее всего возбуждает чувство «я»; со стороны мышления – то, что сообщает мышлению наибольшее чувство силы; со стороны осязания, зрения, слуха – то, чему оказывается наибольшее противодействие» [2, с. 310].

Я оказывается фиктивным. Оно как структура, позволяющая копировать желания, в отсутствие производящей силы, служит, чтобы поддерживать жизнедеятельность организма. Чувство я возбуждает соприкосновение с внешним миром, создает ощущение внешнего, как способного принести удовлетворение или разочарование. Но, в то же время, само я никак не может поверить окончательно в свою реальность. В

то, что все это относится именно к нему и ему нужно. Но, когда я начинает действовать, начинает собирать разрозненное, оно обретает себя как настоящее и живое и дарует свои свойства другим вещам. Понимая это, оно называет себя субстанцией.

Настоящесть я – это борьба, борьба, которая никогда не сможет быть закончена, ибо без борьбы я задохнётся от своей фиктивности и неуверенности, поскольку абсолютно откажется от своего собственного творчества. В самом противостоянии оно чувствует свою эффективность, а значит, своё существование.

6. Субъект как редукция

Для того чтобы начать подчинять, нужно провозгласить себя независимым. Независимость понимается как отделение, автономность, возможность остаться один на один с самим собой и при этом продолжать существовать. Кто в силах выдержать одиночество, тот хозяин самому себе. Но человек слишком горяч, слишком изменчив, чтобы стать точкой опоры вертящегося мира. Он скорее бездна, в которой мир не мог бы существовать, бездна хаоса, которая стирает всяческие границы, человеку же нужна благоприятная форма для собственного существования, форма, зовущаяся сущностью, образ жизни. Она безлична, статична и познаваема.

Люди «выдумали мудреца как человека, не подверженного никаким изменениям, безличного, универсального в своем созерцании, который есть одновременно одно и все и наделён особой способностью для этого вывернутого наизнанку познания; они полагали, что их познание есть в то же время принцип жизни. Но чтобы утверждать все это, они должны были обманывать себя по части собственного своего состояния: им приходилось измышлять себе безличность и постоянно без перемен, недооценивать сущность познающего, отрицать силу влечений в познании и вообще понимать разум как совершенно свободную, из себя самой возникающую активность» [5].

Господство достигается в том, что невозможно проверить чувствами, в той области, до которой невозможно добраться, дойти, доехать. Там можно соединить одно с другим и, не вдаваясь в объяснение бесконечного разнообразия ощущений и чувств, внедрить в восприятие знак равный действию, сигнал.

Формулы «если – то», «тогда...», «когда...», «потому что» – завуалированные сигналы, делающие возможным только один путь в рождении вещи.

Для Ницше сознание – животно. Оно слишком инструментально, чтобы назвать его человеческим: «природа животного сознания влечет за собою то, что мир, который мы в силах осознать, есть только мир поверхностей и знаков, обобщённый, опошлённый мир, – что все сознаваемое уже тем самым делается плоским, мелким, относительно глупым, общим, знаком, стадным сигналом – что с каждым актом осознания связана большая и основательная порча, извращение, обмеление и обобщение».

Сознание вынуждено создать в мире невозможность, отделить вещи от их материнского лона, чтобы внедрить иллюзию силы для бессильного субъекта.

Сила и есть очевидность, достоверность сущего. Как можно сомневаться в том, что действует? Сознание создает ситуацию отбора в уже существующем мире. Поэтому оно ничего не может признать своим в мире. Оно само и есть отбор, редукция. Субъект есть финальный продукт этой редукции. Из него ничего уже не может родиться, он точка бесплодности, сухая ветвь. Субъект это вставленный в машину-робота муляж человечка, чтобы видящие самодвижущийся самосвал не пугались его огромной близости.

Субъект ничего не творит и ничего не производит, он примыслен к системе, чтобы своей грандиозностью она не растерзала представление о живом человеке.

7. Ощущения и иллюзии

Ощущения нельзя рассматривать выделено от человека в целом. Иначе им придется следовать логике, обозначенной господином субъектом.

Но вне этой логики, мы видим, что они сами оказываются творческими и производительными. Если долго всматриваться в объект, он начнет казаться совсем другим. Появятся необычные свечения, новые грани, точки и линии.

Кастанеда описывает, как он искал на веранде дома Дона Карлоса своё место. Это место должно было ощущаться каким-то особенным образом. Через некоторое время всматривания возникло ощущение особого света от предметов, который мог быть знаком.

Ощущения могут начать грезить, проваливаться в неизвестное.

В ощущениях нет никакой поверхности, однозначности. Об этом отлично знал Ницше. Ощущения сами выдумывают себе смыслы, примышляют.

Магия основана на том, что можно действовать в другом измерении ощущений, связывать то, что на первый взгляд не связано.

Галлюцинация освобождает предметы от собственной однозначности. Например, мышцы с точки зрения физиологии имеют вполне определенную функциональность. Но у балерины мышцы подчиняются совершенной другой причинности, они подчинены исключительно собственной галлюцинации, тому образу, который открывает для них субъективность.

Действие в соответствии с образом открывает свободу ощущений, их радостное погружение в мир кипящей субъективности, в бытие. Там они обретают себе божественные сущности. Они наполняют мир мириадами бесконечных богов, радостных духов, святящихся в вещах своей многогранной силой. Боги рождаются из ощущений.

8. Власть как монотеизм

Гнетущая единственность истины пугала Ницше. Слово Бог присвоил себе кусок мира и назвал его своей очевидностью.

Монотеизм страшил Ницше тем, что лишь одна единственная грёза признается в нем за подлинную, остальное выпадает в разряд неверного и греховного существования. Эта замкнутость и оказывается ложью культуры, устранивающей радостное многообразное бытие.

Сущность власти собственно и заключена в том, что человек тянется к грёзе, к той грёзе, которая способна открыть ему самого себя.

Если же грёза Бога превращается в свод представлений о нём, в его законы и правила, то сам Бог оказывается всего лишь субъектом своего присутствия в мире, субъектом, который лишь подчиняет и редуцирует, а не творит из ничего. Закон непременно связан с субъектом, пока есть закон, есть и субъект, как только закон разрушается, множество сил выходит на поверхность в бушующем хаосе. На них нет теперь закона, они везде. Они производят большие и малые грёзы, вбрасывая их в гаснущий мир. Бог был тем, кто позволял творить только себе и то только в начале истории. Теперь все освобождается, бесконечно множа свою лучистую образность.

Боги Ницше смеялись над тем богом, который провозглашал своё одиночество в мире. Его одиночество было бы концом богов и его собственным концом. Что осталось бы от его одинокого пребывания? Может быть, только радостный смех Ницше...

В этом смехе словно раскрываются тайны вещей, их волнующая, пляшущая игривость, их пылкость, их озорное купание в бытии, в которое они могут погружаться миллионом разных способов, их радостная и детская свобода. Взрослые всегда сажают вещи на поводок. Они стремятся видеть в них одно и то же, но иногда и вещи умудряются ускользнуть от их присмотра. Бог для Ницше – это большой взрослый, надзирающий над детскими шалостями. Его угрюмое лицо сдавлено грузом сознания, сознания всех причинных последствия и изменений. Он всё просчитал в своём великом мозгу и указал для всего их пути и основы. Существование теперь кажется ему излишним. Оно лишь подтверждает его тяжелые мысли, сделав их ещё тяжелее.

Что ответить ему, кроме смеха? Чем брызнуть в его скорбные морщины? Существование как младенец сверкает бесконечной радостью у его ног. Он всё знает и поэтому не может творить и радоваться.

9. Ценности

Ценности создаются тогда, когда из процесса галлюциноза вырываются отдельные образы, которые субъективность не хочет отдать миру, она жаждет ими услаждаться, находить себя в их повторимости. Она ищет их всюду, пренебрегая остальным. Субъект же использует ценности в своих целях.

Что такое ценности, как не редукция вечно движущегося галлюциноза до усталой и изведенной статичности.

Ницше пишет: «Первичная вера всего органического с самого начала состоит, быть может, даже в том, что весь остальной мир един и неподвижен. Менее всего этой первичной ступени логического развития доступна мысль о причинности» [3, с. 34].

Сам мир неподвижен и глух и не стремится ни к чему. Завести мир, значит вбросить в его основание разделение, а за ним – подчинение и господство, господство, стягивающее силы, разделяющее основание. Но чтобы завести мир человек вынужден останавливать себя.

Остановка – это удержание образа. Это отделение этого образа от текучей материи галлюциноза и возвеличивание его в столб, основание, ценность. Именно в остановке осуществляется процесс создания деятеля и деятельности. Человек оказывается расщеплен. Он создает в этой остановке субъект и объект. Субъект это делитель, различатель. Он есть пустота, примышляемая к каждому образу, к каждой сотворенной вещи.

Каждое новое движение мира теперь отсылает к деятелю, к я. Я это вымышленная точка опоры для вворачивания себя в мир, для его максимальной редукции.

Движет мир только я, именно в я созданы пространство и время.

Субъективность в таком мире теряет всеобъемлемость, она связывает себя причинами и следствиями. Она сама становится видимостью мира, а не его непосредственной сущностью.

Субъект становится и излишком и недостатком мира. Он наблюдается везде и ничто не свободно от него. Он связан со всем миром, опорочивает мир, делает его несамодостаточным, всегда зависимым.

Желание всегда желает расшевелить мир, впрыснуть в него новые образы, оживить своей бунтующей кровью, своим бьющим через край источником творения. Мир, где вещи разъединены, застывает, он холоден. Он остановлен. Дело в том, что остановки приводят к омертвлению силы, к ослаблению жизненных соков. Но сила хочет протиснуться сквозь кожу омертвевшего мира.

Разница между субъектом и субъективностью очевидна. В субъективности мысль равна действию, а субъект может лишь указать на свою причастность к совершенному.

Субъективность одевается в кожу, в оболочку, которая почти мертва и позволяет жить на себе пустоте. На этой поверхности появляется знак субъективности, говорящий в её отсутствие, показывающий, что она ещё есть, точнее, что её нет здесь, где вместо неё существует субъект.

10. Дух-желудок

«Дух есть желудок» [3, с. 458], – как утверждает Ницше. Дух – это то, что способно переварить мир.

Желудок – механизм оболочки, то, что отбирает и усваивает, то, что отделяет и делает своим. Желудок отбирает и изменяет качество отобранного, но дальше него только отходы. Он лишь бесконечно расходует привнесённое из вне.

Ценности только мешают желудку. Они делают мир непригодным для употребления. Они ограничивают питательный слой, вычленивают вредное и полезное, что в сущности, делает желудок только более изнеженным. Самое поразительное в духе-желудке то, что он не в состоянии проглотить самое себя, понять себя, ощутить. Укрепляя себя, он становится сильнее, но в то же время, он не может выдержать безграничность существования. Его соб-

ственное бытие страдает от самого себя. От того, что все для чего он существует – есть лишь механизм, использование.

Субъект, как дух-желудок, всегда занимается познанием.

Познание – это процесс приготовления, процесс изменения мира, превращения его из сырого в удобоваримый. Кажется, что только готовое может дать человеку силы. Приготовленное – это уже смешанное с человеческой деятельностью, это мир, который потерял частично самого себя, поскольку дух-желудок не в силах переваривать его сырьё. Культура действует как повар.

Познание – это изменение структуры мира. Мира, который сам был полон своей собственной крови. Человек лишает мир крови. Он создает из него плоть, приспособленную к поддержанию работающего механизма органов.

Зависимость – вот тот огонь, который готовит человеческое для изнеженного желудка. Это огонь жертвенный, где человек жертвует собой, своей кровью, своим духом. Он оставляет лишь плоть для самого себя. Бескровный человек – это человек без страстей, как раз такой, как его всегда хотели видеть идеалисты, а ныне трансгуманисты. Бескровный человек – это человек, который стал оболочкой, формой, машиной для переработки впечатлений, нуждающийся в уже готовом мире. Мир стал возможен только как бескровный, все остальное не может быть переварено, все остальное вызывает травму, разрез в плоти, откуда сочится живая кровь.

Жертва всегда была кровавой, это всегда была жертва духа. Жажда Ницше – это жажда жертвоприношения, жажда крови.

11. Дух – это кровь

Ницше ещё писал, что «кровь есть дух» [3, с. 323].

Разве это не самое очевидное прозрение? Разве это не выдающееся воспоминание о том, что все застывшее должно обогреться кровью, чтобы жить.

Бог умер не как дух, но как плоть. Он истёк кровью сострадания к человеку.

Чему сострадал этот Бог? Что заставило гнить его плоть?

Бог всегда был желудком, пьющим жертвенную кровь, условием, только при котором и возможно поглощение мира. Но мир был напоён страданиями, что его уже невозможно стало переваривать. Желудок лопнул, разлив свою смердящую безграничность по всем закоулкам субъективности.

Бог это плоть, плоть, которая гниет вместе с недождёванным миром. Дух остановил себя как желудок, отказав себе в последней прихоти – приготовить мир по-своему. Теперь человек оставлен без оболочек, без горизонтов. Разве теперь он не всевозможен?

Достоевский писал, что глядя на картину с умершим Христом, можно потерять веру. Но разве вера не есть чувство гниющего Бога, его осязание, его обоняние, его вещное присутствие?

Плоть Бога есть плоть, в которой умер Дух, плоть, лишившаяся своего бесконечного движения, галлюциноз, остановленный вне всякого образа. Галлюциноз, свободный от своего собственного действия.

Человек сотворил Бога. Но как быть этому сотворенному? Если он тварь как вещи и желание, то он слишком мал, чтобы быть Богом, он только служанка страстности человека. Но разве раба хочет себе человек? Если же Бог велик как недостижимый властитель, зачем он нужен человеку, разве сам человек хочет быть рабом?

Человек придумал Бога, чтобы уйти от себя, чтобы перейти в то, что всегда будет его превосходить. Сам человек даже слишком человек, чтобы быть. Он слишком говорящий и слишком думающий. Бытие всегда там, где его нет, где его надо превзойти. Разве Бог не превзошел человека, став им?

Бог может в человеке только родиться, родиться как дитя, как плод человеческой субъективности, как то, что направлено и смотрит дальше самого себя. Бог выводит человека за рамки галлюциноза и вводит его в молчание самости. Самая последняя галлюцинация, превосходная по своей сокрушительной мощи, заставляет замолчать не только всякую плоть, но и кровь. Тишина человеческого наблюдает зарождение Божественного. Монотеизм родился из молчания галлюцинаций, которое ближе человеку, чем любой образ.

Бог так близок, как не может быть близка даже скорбь.

Разве это не Бог был нашим младенцем, которому мы улыбались, разве не мы смотрели на него сквозь усталые веки? Вот Он смотрит и улыбается в нашу смертельную усталость.

12. Безумие

Некогда Ницше молился: «О, пошлите мне безумие, небожители! Безумие, чтоб я, наконец, сам поверил себе. Пошлите мне бред и судороги, внезапный свет и внезапную тьму, бросайте меня в холод и в жар, каких не испытывал ещё ни один смертный, пугай-

те меня таинственным шумом и приведениями, заставьте меня выть, визжать, ползать, как животное: только бы мне найти веру в себя» [6].

Ад – это отсутствие себя.

Ад – это божественная субъективность, постоянное бытие, в котором человек никак не может обрести своего ничтожества. Человек должен уйти от Бога, его всепоглощающей самости, чтобы, наконец, стать собой.

Человек рождается в божественном, слишком широком для себя мире, из которого он хочет вырваться, сбежать, и оказаться в неведении, во лжи. Ему приходится грезить, чтобы мир стал приемлемым для жизни, оправданным. Эти оправдания зовет он ценностями, смыслом, сакральным. Но в переполненности грёзами мир лопаётся как объевшийся желудок. Бог создал мир, от которого нужно укрыться, потому что он вмещает самые жуткие грёзы Бога. Их не в силах вместить человек. Ему нужно покрывало, на котором он может чувствовать себя свободным.

Где умирает Бог, там начинается человек. Где умирает человек, там начинается Бог. Вся история религии это борьба с Богом на поверхности, очеловечение Бога и его убийство, освобождение от Бога внутри своей субъективности. Любые силы могут переварить лишь кусочек мира, и ничто не может переварить его весь. Человек не в состоянии вместить в себя Бога и не умереть. Он должен уйти от всего, даже от ничто. Бог – это то, что нужно преодолеть, вытолкнуть из своей самости как младенца, чтобы жить дальше себя... в Нём.

Бытие заставляет человека быть не собой, оно морочит ему голову. Оно заставляет его сомневаться, в том, есть ли он. Он живет и питается миражами, ест плоть своего безумия. Он живет в безумии Бога. Безумием Бога. Это безумие сводит его с ума. Ум есть вечный раб Божий. Безумец же всегда свободен от Бога. Он сам всегда называет себя Богом, поскольку и есть бог. «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их» [1Кор,3: 18-19].

Мир – это прекрасная галлюцинация Бога, рябь на его поверхности. Ты можешь быть здесь кем угодно, но всё равно ты никогда не будешь собой. Человек придумал себя богом, субъектом, сердцевинной колышущегося бытия, точкой опоры для своей оккупации грёз. Но как бы он ни старался, грёзы сильнее его. И даже сам субъект списан с Бога. Его я – это его данность, внешность. Он смо-

трит в зеркало и говорит – «это я», и сам не верит себе. Во что ему верить кроме своего небытия? Но и не быть он не может. Он может грезить, уничтожая время. Грезящий никто. Он хочет придумать себя и свою очевидность. Противопоставить свою очевидность очевидности Бога. Верить в свою очевидность. Вера – это схватка с действительностью. Это борьба Иакова с Богом. Это вызов Иова, который грёзе Божественного Левиафана противопоставил собственную грёзу суда с Богом. Борьба с Богом вынудила Бога прийти к нему навстречу. Так постигается Божественное, когда мышцы ощущают Его присутствие. Бог противопоставлял Иову свои галлюцинации, чтобы последний раз испытать его, и Иов сдался, оставшись лишь рабом Божьим. Сыны Божии побеждают Бога на путях Его. Бог, распятый на кресте, – самая заветная галлюцинация человечества, в которой только и могла явиться сила Божия. Бог вдруг преодолел самого себя, и сделался рябью на лице человеческом, разумом человека, его воплощением. Суд над Богом свершится после Иова, теми, кто не побоится пролить дух на землю.

Человек, соглашающийся на галлюцинации Бога, только раб. Совпадение с ними делает человека тварью. Тот, у кого больше бытия и есть зверь, он не встретил себя в своем ничтожестве.

Когда человек отвергает божественное безумие, он становится играющим пред его очами младенцем, мудростью пред сотворением мира. Мир станет не божественным, а человеческим, совместной изнутри истекающей сущностью, грёзой и произведением. Сродниться со своим ничто – значит стать равным Богу, Его наследником.

В конце концов, мы приходим к вопросу о том, чего же хочет самость? Что можно назвать её кенотическими движениями? Мы можем наблюдать два разнонаправленных процесса. С одной стороны – процесс редукции и становления реактивных сил, где самость сама себя обуславливает и ограничивает, выпячивая субъект в качестве знака своей возможной деятельности. С другой стороны, процесс движения от субъекта назад к субъективности как к свободе и творческой активности.

Список литературы:

1. Делёз Ж. Ницше и философия. М., 2003.
2. Ницше Ф. Воля к власти. СПб., 2010.
3. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. М., 2009.
4. Ницше Ф. К генеалогии морали. (URL: <http://lib.ru/NICSHE/morale.txt>).

Этот процесс можно условно разделить на три стадии:

1. Опустошение, разрыв с поверхностными смыслами, ценностями и структурами. Разрушение характерных образований.
2. Состояние грезящей самости, творческих всплесков и обновления.
3. Процесс освобождения от галлюциноза. Остановка движения грёз как опустошение от всяческой божественной активности в человеке. Процесс самообнаружения как ничто.

Движение к субъективности парадоксально. Оно обретается в странных неизведанных закоулках, требует восхождения или нисхождения к себе. Оно само влечёт и меняет познающего, поскольку ещё до осознания неразрывно с ним связано. Это знание всегда есть одновременно знание о самом себе. Оно создает кенотический разлом на поверхности смыслов, само создает глубину, чтобы в стремлении к её недоступности делать себя жемчужиной, ради которой стоит продать все, что имеешь.

Этот разлом тотален и несет в себе глобальные разрушения и словно землетрясение меняет поверхность. Разрушение освобождает от тотальности выстроенных структур и вносит возможности бессубъектного существования самости.

Этот разлом как шизофрения позволяет увидеть человека без образа, рассмотреть инструментальность сознания отдельно от субъективности.

Идея «смерти человека» с одной стороны отражает процесс избавления от субъекта, но в этом процессе нет движения к самости, скорее наоборот. Последний акт редукции самости и заключён в том, чтобы поставить под вопрос даже её знак, движущийся на поверхности дискурса. Дискурс, оказывается, уже не нуждается в своём генераторе, он может существовать по инерции и даже саморазвиваться.

Кенотический разлом, рождающий экзистенциальные смыслы, порождён сомнением в господстве вещей над самостью, в однозначности установленных структур. Он открывает свободу для взрывов самости. Из него показываются ночные монстры, жалящие духи смерти. А за ними стоит смеющийся Заратустра.

5. Ницше Ф. Весёлая наука. (URL: http://modernlib.ru/books/nicshe_fridrih/veselaya_nauka_la_gaya_scienza/).
6. Шестов Л. Достоевский и Ницше. (URL: <http://www.nietzsche.ru/look/century/dostoevski/>).
7. Глинчикова Е.В. Бытие и субъективность // Психолог. 2014. № 6. С. 74-107. (DOI: 10.7256/2409-8701.2014.6.13589. URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_13589.html).
8. Донских О.А. HORROR ZIVILIZATIONIS, или ужас субъективности // Культура и искусство. 2015. № 1. С. 7-15. (DOI: 10.7256/2222-1956.2015.1.13532).

References (transliteration):

1. Delez Zh. Nitsche i filosofiya. M., 2003.
2. Nitsche F. Volya k vlasti. SPb., 2010.
3. Nitsche F. Po tu storonu dobra i zla: Sochineniya. M., 2009.
4. Nitsche F. K genealogii morali. (URL: <http://lib.ru/NICSHE/morale.txt>).
5. Nitsche F. Veselaya nauka. (URL: http://modernlib.ru/books/nicshe_fridrih/veselaya_nauka_la_gaya_scienza/).
6. Shestov L. Dostoevskii i Nitsche. (URL: <http://www.nietzsche.ru/look/century/dostoevski/>).
7. Glinchikova E.V. Bytie i sub'ektivnost' // Psikholog. 2014. № 6. S. 74-107. (DOI: 10.7256/2409-8701.2014.6.13589. URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_13589.html).
8. Donskikh O.A. HORROR ZIVILIZATIONIS, ili uzhas sub'ektivnosti // Kul'tura i iskusstvo. 2015. № 1. S. 7-15. (DOI: 10.7256/2222-1956.2015.1.13532).